

Глава 8

Южные края и северные, весна — лето 1915

15-я стрелковая дивизия занимала оборону. Балка, в ней узкий ручеёк, уже начавший вздуться от талых вод. Хутор в центре позиции, фланги упирались в глубокие овраги. Справа и слева тоже не голое поле, там встали спешно переброшенные с западного фланга Юж-фронта дивизии. Правда, было их мало, не все успели подтянуться. Но и те, что успели, пришли в неплохом виде — пополненные из числа «сознательного пролетариата и беднейшего крестьянства», хорошо вооружённые: винтовок и пулемётов хватало, мало было новейших «автоматов Фёдорова», но это и к лучшему, простому бойцу они сложноваты.

Траншеи и окопы мигом заполнялись водой, стоять в них приходилось хорошо если по щиколотку, и красноармейцы стягивались к постройкам, где было, по крайней мере, сухо.

От Миллерово, казалось бы, всего ничего, и фронт беляки прорвали сразу на большую глубину, но увязли, передовые части до конца выполнили свой пролетарский долг — как могли задерживали царские войска и таки задержали, почти полностью погибнув, изрубленные улагевской конницей.

Плохо было то, что в тылу так и не удалось справиться с мятежниками. Наступление на Вёшенскую и вовсе при-

шлось остановить, продотряды вливались в регулярные красные полки; восставшие казаки приободрились, вылезли из станиц, всё смелее и смелее нападали на тылы, обозы, громили ревкомы; у Бешанова нашлись подражатели, счёт «расстрелянным при сопротивлении изъятию хлеба» шёл на сотни, и казаки тоже зверели.

Жадов, хоть и начдив, вернулся с последнего похода за провиантом чернее тучи.

— Опять отряд наш попался, — выдохнул он в ответ на немой вопрос Ирины Ивановны. — Хлеб растащили, охрану разогнали, кто жив остался, а вот комиссара... — тут он вздрогнул, зябко повёл плечами. — Ирина Ивановна, дорогая... обещаю тебе, что обернись дело полным швахом и не найдётся у меня последнего патрона или гранаты — обещаю тебе, что пристрелишь. Я знаю, ты не промахнёшься. Прямо в лоб попадёшь, или в висок, или в сердце. Я и не почувствую ничего. Раз — и уже там.

— Перестань, Миша, — Ирина Ивановна встала, коснулась на миг его локтя. — Всё будет хорошо. Все останемся живы. И ты, и я. Верь мне.

— Верю, — совсем по-детски вздохнул Жадов. — Тебе — верю. Маленьким был — в Бога так не верил, как в тебя.

Ирина Ивановна на миг зажмурилась, острые тёмные морщины вдруг прорезали лицо; хорошо, что начдив-15 смотрел при этом в другую сторону.

Но когда она вновь открыла глаза, никаких следов накатившего уже не осталось.

— Всё будет хорошо, — повторила Ирина Ивановна. — Скажи, комиссара этого...

Жадов поморщился.

— Тешились казачки, что сказать... медленно умереть не дали.

— Фамилия его как? — не отступала Ирина Ивановна.

— Пархоменко.

Брови Ирины Ивановны сдвинулись.

— Иван? Да как же он ухитрился-то?!

— И на старуху проруха выходит... мельника они казнили, что хлеб прятал. Большая яма была, на много пудов. Ну и... и...

— А у мельника небось жена. И дочки на выданье. Были... Договаривай уж, Миша. Изнасиловали их всех, да и убили. И хорошо ещё, если просто застрелили...

— Да, — с болью вырвалось у Жадова. — Ну как так-то?! Ладно, казачня эта, нагаечники, они иногородних всегда ненавидели... отчего и лупили нас почём зря на маёвках... но наши-то?! Наши-то как?!

— Наши тоже люди, — тихо сказала Ирина Ивановна. — Люди, не ангелы. Женщин на войне насиловали всегда. И убивали после насилия тоже.

— Так то всякий сброд! Буржуйские армии!

— А кто в них служил? Кто в солдатах-то был? Такие ж рабочие, такие же пахари. Не только «деклассированный элемент».

— Эх! — Жадов в сердцах махнул рукой, почти рухнул на лавку. — Долго нам ещё нового человека создавать придётся...

— Так чего ж создавать, я перед собой одного такого вот и вижу, — чуть улыбнулась Ирина Ивановна. — Ты-то, Миша, с пригожей вдовушкой тюфячки давить не станешь.

Жадов аж съёжился.

— Да как же я б смог... когда я... когда ты... когда я тебе...

— Вот потому-то ты и есть тот самый новый человек. — Ирина Ивановна наставительно указала пальцем. — Да-да, Миша. Тот самый. Который хлеб голодным отдаст, последнюю рубаху снимет, жизнью за справедливость пожертвует. Всем — всё, себе — ничего. Эх, Ми-

ша, кабы все большевики такими, как ты, оказались бы!.. А они сам знаешь что...

— Да беяки что же, лучше?! — горячо возразил начдив. — Тоже наслышаны! И хлеб отбирают, и расстреливают, и вешают!

Ирина Ивановна грустно кивнула.

— Звереют люди, Миша, вот что печально. Даже нет, не звереют. Звери друг друга сознательно не мучают. Убивают — так уж убивают. Для еды, детёньшей прокормить. А мы... — она только головой покачала. — Счастье ещё, что наша дивизия не опозорилась.

— Питерскому полку спасибо. Сознательные ребята. Харьковские, то ж такэ... — вздохнул Жадов.

— То ж такэ, товарищ начдив, а дивизия меж тем готова к отражению вражеского наступления. Сами проедетесь по позиции?

— Если мой начштаба говорит, что готова, — значит, готова. Как там этот... Штокштейн? Хоть одного шпиона поймал?

— Как не поймать, — холодно сказала Ирина Ивановна. — Уже с полдюжины. Если б не я — всех бы уже расстрелял.

Жадов аж поперхнулся.

— А почему мне не доложили?!

— О чём? Хватает он бойца, сажает под замок и начинает, как он выражается, «раскалывать» — признавайся, мол, что ты агент беляков, не то к стенке. Сам знаешь, какая у него слава пошла, у Штокштейна.

— И что, признаются? — мрачно осведомился начдив.

— Конечно. Пока я не вмешалась. Со взводом надёжных питерских ребят.

— И молчала!

— Хороший начштаба начальника дивизии по пустякам беспокоить не должен.

— Ничего себе! Ирина Ивановна, товарищ Шульц, приказываю вам впредь мне всё докладывать, ничего не упускать!

— Есть не упускать, товарищ начдив. В общем, всех задержанных я отбила. А Эммануилу Иоганновичу сказала: «Wenn Sie mit dieser Praxis nicht aufhören, werden unsere Soldaten Sie eines Tages zwingen, Kuhdung zu essen».

— Это что значит?

— Не суть, товарищ Михаил. Он понял. Тебя же не беспокоит, верно?

— Вот оно-то мне и не нравится... Что с разведкой?

— Вернулись. Против нас кубанские добровольцы, Ейский полк и Екатеринодарский.

— Ух ты. Цельная дивизия!

— Нет, товарищ начдив, едва ли половина от нашей наберётся.

— Так это и хорошо. Значит, не полезут, — повеселел Жадов.

— Наоборот, плохо. Не нравится мне, Миша, когда против нас так мало сил оставляют. Больше на заслон похоже. Полезут в другом месте, прорвутся, зайдут нам в спину..

И тут, словно отвечая, где-то совсем неподалёку разорвалась шрапнель.

— Не полезут... — скривился Жадов. Накинул шинель и бросился на улицу.

От позиций добровольцев двигалась редкая цепь пехоты, над окопами красных рвались шрапнели, артиллерия белых била с закрытых позиций и с неприятной точностью.

Батарея 15-й дивизии попыталась отвечать по приближающейся пехоте, но артиллерийские наблюдатели у «контры» всегда были отличные, и огонь они перенесли почти тотчас.

...Михаил Жадов этого не знал, но именно так сперва японская артиллерия расстреливала нашу, с закрытых позиций, выдвинув вперёд дозорных с полевыми телефонами.

Цепи добровольцев прошли какое-то расстояние, иные жадные до боя бойцы красных открыли пальбу, но с такой дистанции попасть можно было разве что случайно.

— Смотри-ка, залегли, — удивился Жадов, опуская бинокль. — Обычно контра эта пулям не кланяется, а тут, звон, пузами благородными да прямо по грязи...

— Потому что они тут атаку только изображают, — Ирина Ивановна оказалась рядом. — А прорываться в другом месте станут. Азбука, товарищ начдив.

Траншеи открыты были на совесть, на накаты пошло всё, что смогли найти, включая сараи с амбарами, пулемёты наготове — «демонстрируют» тут беляки или нет, а кровью они умоются!

И верно — день длился, а цепи добровольцев, едва поднимаясь в атаку, тут же и залегали.

Канонада, однако, всё сильнее гремела у соседей и справа, и слева.

Немного погодя примчался вестовой.

— Подмоги надо! 12-я дивизия Нечипоренко подмоги просит! Давит контра, головы не поднять!

Жадов метнул быстрый взгляд на Ирину Ивановну.

— Давай полк Илютина. Полк паровозного завода, бывший Сергеева.

Ирина Ивановна сперва было кивнула, но затем прищурилась, подняла к глазам бинокль, надолго припала к амбразуре блиндажа, обращённой к наступающим белым.

— Чего медлишь? — выходил из себя гонец, напрочь забыв о субординации.— 12-я там насмерть стоит!.. Подмогу давай, у вас-то тут тихо!

— Не полк. Один батальон, — вдруг решительно сказала Ирина Ивановна.

— Это почему?!

— Потому что они только того и ждут. За нами дорога прямая от Миллерово на Вёшенскую, не забыл?

— Думаешь, здесь и ударят? А чего ж мутузятся, встали-легли, легли-встали?

— Как раз и ждут, когда дивизию нашу раздёргают. Полк направо, полк налево — тут-то по нам и ударят. Думала я — только продемонстрировать у нас тут будут, чтобы лучшие части мы никуда не двинули, а теперь смотрю — нет, у нас навалятся.

— Почему?

— Соседи держатся, так? — Ирина Ивановна повернулась к вестовому. — Дроздовцы там есть? Марковский полк? Сводно-гвардейский? Конница, атаманцы, лейб-казаки?

— Не... кадеты обычные...

— Кадеты? Какие «обычные»?

— Ну, золотопогонники...

— То есть регулярные части?

Вестовой кивнул. Было видно, что длить этот разговор для него мучение.

— Помочь-то будет? Иль нет?

— Батальон. Что, мало? Ну, не хочешь — тут оставайся. Потому что, помяни слова мои, боец, тут очень скоро такое начнётся, что небо с овчинку покажется.

— Ну, голова, — с уважением выдал Жадов.

На вестового это, однако, не подействовало.

— Хорош базарить, начдив! Помощь давай, говорю тебе!

— Веди батальон, чего медлишь? — обозлился и Жадов. — Слышал, что мой начштаба сказала? Что тут будет главный удар!

— Может, и будет, может, и нет, а только у Нечипоренко совсем худо, вот прямо сейчас!

— Ну так скажи же, не жди! Батальон — тоже много!

Вестовой совсем потемнел лицом.

— Сам ты, начдив, контра настоящая!..

Жадов только сплюнул.

— Будешь время терять — посажу под арест. Как саботажника. Чтобы духу твоего здесь не было через полминуты! Вот приказ Илютину дать тебе один батальон. — Начдив-15 наскоро черкнул что-то карандашом на мятом листке бумаги. — Всё, прочь с глаз моих!

Вестовой понял, что дальше упрямиться становится опасно для собственной шеи, — схватил приказ и выбежал вон.

Жадов покачал головой.

— Ирина Ивановна... а ты уверена?.. А вдруг надо было и впрямь целый полк давать? Не удержится Нечипоренко, мы в котле окажемся...

— Удержится, — железным голосом сказала товарищ начштаба. — Во-первых, там военспецом подполковник Нифонтов и части из его Волынского полка. Я Нифонтова знаю...

— Нифонтов? — наморщил лоб Жадов. — Погоди-ка... это который же Нифонтов?

— Отец того самого Константина Нифонтова, что с Бешановым в Питере нас с тобой арестовывать явился. Или не арестовывать, не знаю уж — «дела принимать», как они сказали. Но офицер дельный. Смелый. Решительный. На прежнюю власть сильно злой. Нечипоренко может там командовать, но Нифонтов позиции удержит, помяни моё слово.

— А мы?

— И мы удержим.

...Настоящие атаки начались, когда и впрямь ушёл батальон из полка Илютина, когда пушки белых вдруг зачастили, осыпая шрапнелями окопы с траншеями, а гранатами — ближний тыл дивизии. Тяжёлой артиллерии тут не было, только трёхдюймовки, но и этого хватало. Батареи Жадова хоть и «горели революционным рвением», но стрелять с закрытых позиций и по закрытым позициям не умели.

Однако никто не побежал. Хрипя и матерясь, переждали обстрел, кое-как оттаскивая раненых. И — дождались, когда на поле вновь поднялись цепи в длинных шинелях, пошли прямо на них.

Наступали белые умно, перебежками, никто не маршировал и не гнушался «кланяться пулям». А шрапнели так и рвались, обстрел не прекращался.

— Перестанут, только когда цепи подойдут почти вплотную, — Ирина Ивановна опустила бинокль. — Умеют, что уж тут... «Огневой вал» это называется, хотя тут, конечно, до настоящего ой как далеко...

— Как бы нам и этого не хватило, — Жадов погладил ложе винтовки рядом. — Что ж, придётся по старинке, «пуля дура, штык молодец».

— Если всё сделали правильно, не придётся. Если пулемётчики сидят в блиндажах, как приказано.

...И едва стихла артиллерия, едва цепи белых поднялись — уже совсем близко, совсем рядом рванулся их рёв, никакое не «ура», — как с флангов 15-й дивизии ударили тщательно укрытые там «максимы».

Белые не добежали до линии траншей. Под свинцовым ливнем вновь залегли, и тут уже воспрявшие духом бойцы Жадова взяли за винтовки.

Текли мучительные минуты, и вот — осторожно, пригибаясь — белые начали отходить. Вскокивали, пробегали сколько-то саженой, падали снова; иные с колена

стреляли в сторону красных, но едва ли кого-то задевали: траншеи у Жадова были отрыты глубокие, по уставу.

— Тащ комдив, ударить бы по ним! — горячо зачистил командир питерской роты, державшей самый центр позиции.

— Какое «ударить», Михеев, они всю твою роту положат, пока добежишь!.. Ах ты ж, нечистая ты сила, а ну быстро, останавливаем!..

Наверное, с сотню бойцов петербургского полка 15-й стрелковой думали так же, как и их комроты. Без приказа, без команды вскочили в полный рост и, как положено, с «ура!» ринулись на отползающие цепи белых.

— Штокштейн!.. — ахнула Ирина Ивановна.

И точно — первым на бруствер вскочил именно начальник особого отдела, в руке «маузер», закричал что-то, бросился вперёд, увлекая за собой остальных.

— Назад! — заорал Жадов, бросился наружу. — Назад, мать вашу!..

Ирина Ивановна — следом. Хватали бойцов за плечи, за полы шинелей, за рукава, останавливая храбрый, но безумный порыв. Потому что белые встретили поднявшихся красных именно так, как умели, как их учили, — спокойно, без паники, хладнокровно поливая атакующих очередями в упор из «фёдоровок» и ручных пулемётов.

Треть вскочивших бойцов Жадова смело сразу. Остальные, слава богу, попадали кто куда.

— Назад! — надсаживался Жадов. Рискуя, вскочил на насыпь, рядом тотчас же свистнуло, и Ирина Ивановна с силой сдёрнула комиссара вниз.

— Назад! Назад давай! — звали своих и другие красноармейцы.

Кое-как, на карачках, ползком, отходили. Белые отступали тоже, и только на ничейной полосе остались те, кого судьба сегодня наметила «к отправке».

Среди тех, кто выжил и спрыгнул обратно в спасительную щель траншеи, оказался и Штокштейн — раскрасневшийся и, в отличие от многих других, даже не раненый.

И прежде чем Жадов с Ириной Ивановной успели хоть слово сказать, истеричным фальцетом завопил:

— Измена!..

— Какая измена, так тебя, Шток, и растак, куда людей повёл?!

— Измена! Мы бы их смяли!.. — Штокштейн, казалось, сейчас забьётся в падучей.

— Атака не подготовлена. Направление неизвестно. Ближайшей задачи не поставлено. Взаимодействие не отработано. Полки дивизии имеют приказ на удержание позиций, а не на атаку и преследование противника, — холодно и ровно, словно на занятии в Николаевской академии Генштаба, отчеканила Ирина Ивановна.

— Вот это и есть измена, что «не поставлено» и «не отработано»! — не сдавался Штокштейн. — Мы бы их погнали!..

— Ровно до их пулемётов. И положили бы там всю дивизию.

Над полем боя взлетели одна за другой две белые ракеты. А над отходящими цепями добровольцев так же внезапно поднялся белый флаг.

— Это что ещё такое? — у Штокштейна была уже явно готова очередная тирада, но тема сменилась.

— Предложение перемирия, что ж ещё. Вынести раненых, оказать им помощь. Такое повсеместно практиковалось с японцами.

— Что за изменнические разговоры? — вновь вскинулся Штокштейн. — Хотят контры золотопогонные своих раненых выручать — пусть подходят с поднятыми руками, бросают оружие и сдаются в плен!

— Там и наши раненые, — напомнила Ирина Ивановна.

— Если б мы атаковали и пошли до конца, то уже помогали бы нашим! Это по вашей вине, начштаба Шульц, всё и случилось!

— А ну, хватит! — зарычал Жадов. — Ротный, помашите этим... кадетам. Пусть не стреляют, мы тоже не будем, раненых надо вынести. Раненных по твоей милости, Шток! Приказа на наступление я не давал! А ты людей грудью на пули повёл!

— Я сам грудью на пули пошёл! — зашёлся Штокштейн. — Пока вы тут в блиндаже отсиживались!

Однако в ответ на размахивание белой тряпицей стрельба со стороны добровольцев и впрямь прекратилась.

— Встали, — Жадов выпрямился во весь рост.

— Тащ начдив!..

— Не «тащ начдив», а за мной! наших будем собирать!..

Добровольцы и красные бойцы сошлись посреди смертного поля. Винтовки закинута за спины, в ход пошли носилки. Совсем юный офицерик с красно-чёрными погонами, где красовалась единственная звёздочка, чуть поколебавшись, протянул пакет бинтов немолодому уже красноармейцу, пытавшемуся помочь товарищу с простреленной ногой; чуть левее двое бойцов Жадова, молча и словно бы стесняясь, помогли женщине в косынке с красным крестом положить раненого добровольца на носилки.

И так же молча разошлись.

...До самого вечера атак на позиции 15-й стрелковой не последовало. Гремело и справа, и слева, и казалось, всё будет хорошо. Отправленный батальон так и остал-

ся у Нечипоренко, хотя наступление белых стихло и там.

— Кажись, выстояли, — зевнул Жадов.

В блиндаже горела одна-единственная свеча, скупое освещая старую, имперскую ещё топографическую карту.

— Выстояли, — кивнула Ирина Ивановна.

— Так это, значит, и был главный удар?

Товарищ Шульц молчала, красными и синими карандашами чертя на карте какие-то значки и измеряя расстояния курвиметром.

— Нет, товарищ начдив. Не главный. Главного вообще, похоже, не было. Или же поисточились беляки, потери свои им восполнить уже нечем, офицеры, какие хотели и могли, давно уже у них, а остальные — либо у нас, либо, как и большинство обывателей, просто ждут, чья возьмёт.

— Мудрено говоришь, товарищ начштаба... — Жадов очень устал. И сейчас ему очень хотелось поверить, что самое страшное позади, что наступление врага отбито и можно будет «сидеть в окопах», и это, право же, куда лучше, чем подниматься в атаку, ожидая, что тебя вот-вот срежет пулемётная очередь в живот. — То главный удар, то не главный... то заслон, то не заслон... А вообще выпить бы сейчас наливочки стопочку да пельменями настоящими закусить, в Питере, помню, было одно заведение, ходил всегда...

Ирина Ивановна рассеянно кивнула, продолжая чертить и вымерять.

— Погоди, Миша, о пельменях мечтать. Мы с Нечипоренко удержались, а что у других соседей?..

— Отправь вестового... Где Яша, где наш комиссар? Пусть идёт политработу проводить. Что, дескать, героически отразили натиск противника, скоро и назад погоним...

Ирина Ивановна только качала головой. И вдруг хлопнула себя по лбу:

— Ах я, дура набитая!..

Жадов аж подскочил:

— Что такое?..

— То-то я голову ломала, где Улагай с Келлером, где конница белых?.. Ни у нас, ни у Нечипоренко не появилась, как и дроздовцы с марковцами и корниловцами.

— И что же?

— Значит, всё ещё хитрее. Обходят они нас, Миша. Не стали прорываться самой короткой дорогой, не стали соседей наших опрокидывать, чтобы нам в тыл зайти. Обошли небось левый наш фланг, через Дон переправились всей массой и пошли напрямик к Вёшенской. Объединятся с мятежниками, да и ударят напрямик на Харьков, на Тамбов, на Воронеж... а захотят — и к Царицыну пойдут, и к Астрахани, яицких казаков поднимать. Для того-то и висели на нас на всех!..

— И что теперь? — сон с Жадова как рукой сняло.

— Пошли нарочных. Пусть соседи будут готовы к отходу.

— К отходу?!

— Предлагаешь героически погибнуть в окружении, Миша?

— Так тогда беляки ни до Харькова не дойдут, ни до Тамбова! Мы их тут на себя притянем!

— Эх, Миша, Миша! Да не станет из белых никто на тебя окружённого в штыки ходить. Оставят заслоны, и вся недолга. И будем барахтаться.

— Всё равно, — упрямо набычился Жадов. — Всё время бегать — до самого Питера добежим, а толку?.. Нет, сражаться надо здесь и сейчас. Никаких отступлений, товарищ начштаба!

— Есть, никаких отступлений, товарищ начдив, — мрачно сказала Ирина Ивановна. — Разрешите тогда начать готовиться к занятию круговой обороны?

— Разрешаю. И предупреди всех соседей. И Яшка, где Яшка, я ж его вызывал?!

— Изъявили намерение, но так и не отдали приказа, — фыркнула Ирина Ивановна.

— Отдаю! Вызывай его сюда, где он вообще шарится?!

...Глухой ночью до штаба 15-й стрелковой дивизии добрался смертельно уставший всадник, раненый, с рукой на перевязи.

— Эй, вставайте, кто ещё остался... — пробормотала Ирина Ивановна.

— Ты о чём, товарищ начштаба? — Жадов оторвал сонную голову от подушки.

Ирина Ивановна, похоже, так и сидела у стола в штабном блиндаже.

— Книга одна. Неважно. Вставай, товарищ начдив. Сейчас узнаем, права я была или нет...

Она оказалась права.

Собрав все конные полки, Добровольческая армия форсировала Дон вдали от линии фронта, кавалерия сплошным потоком устремилась на северо-запад.

— Штаб фронта приказывает нам немедленно отходить.

— Дай сюда!

Жадов почти вырвал бумагу, отмеченную понизу кровью гонца.

— Что?.. «Согласны с вашим предложением... приказываем немедленно начать отвод дивизии на рубеж... сохраняя материальную часть и продовольственные припасы...» Какое ещё «наше предложение»?!

— Наше предложение — отвести войска в случае угрозы окружения. Я его отправила заранее. На всякий случай. Потому что знала, Миша: ты-то решишь стоять на смерть и не отступать ни на шаг.

— Ах ты ж!..

— Ну, можешь меня изругать, даже матом. — Ирина Ивановна пожала плечами. — Вот только бойцы наши едва ли захотят тут ложиться все, в безвестных степях. Командование фронта знает, что делает, и подкрепления идут. Нельзя белякам дать по частям разбить сперва нас, а потом и эти свежие дивизии.

Жадов тяжело вздохнул.

— Тогда будем отходить. Но только вот что, товарищ Шульц... ещё раз такое устрошь — сразу просись в тот же штаб фронта. Я тут команду, а не ты!

— А я тут для того, чтобы ты, дорогой начдив, не угробил бы разом всю свою дивизию! — не поддалась товарищ Шульц. — Ни военспецов у тебя, Миша, ни военного образования; сердце горячее, руки чистые, совесть больная — всё верно; только, чтобы полками командовать, ещё кое-что нужно. Почему беляки теснят нас?.. Вот то-то же. А где в частях военспецы толковые...

— Ладно! — зло прервал её Жадов. — Пошли, отдадим все приказы. Опять людям ночь не спать...

Спать и в самом деле не пришлось. Однако не только из-за отступления: добровольцы, словно что-то учуяв, принялись кидаться осветительными ракетами, вновь загремела артиллерия — верно, били по пристрелянным за день ориентирам.

— Не дадут так просто оторваться...

— Заслон надо оставить, — озабоченно сказал Яша Апфельберг, как всегда, вывернувшийся словно из ниоткуда. — Если всё обойдётся, так уйдут тихо.

— А если нет?